

ТРАНЗИТ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ – АЛЬТЕРНАТИВЫ БЕЗ АЛЬТЕРНАТИВЫ

В статье анализируется ситуация с транзитом власти в новообразованных независимых государствах Центрально-азиатского региона. Использование политических технологий для сохранения авторитарной власти выступают как приоритетные. Если рассматривать процесс ситуативно, то они гарантируют социальный мир и стабильность. Однако в долгосрочной перспективе, эти технологии выступают причиной застоя и торможения для всей многоуровневой системы политического и социально-экономического развития местных обществ.

Ключевые слова: социально-политическая ситуация, патернализм, сервильность, транзит верховной власти, политические партии, политические технологии, политическая стагнация.

Жангожа Р.Н Транзит влади в Казахстані – альтернативи без альтернативи
У статті аналізується ситуація з транзитом влади в новоутворених незалежних державах Центральноазійського регіону. Використання політичних технологій для збереження авторитарної влади виступають як пріоритетні. Якщо розглядати процес ситуативно, то вони гарантують соціальний мир і стабільність. Однак в довгостроковій перспективі, ці технології виступають причиною застосу і гальмування для всієї багаторівневої системи політичного і соціально-економічного розвитку місцевих громад.

Ключові слова: Соціально-політична ситуація, патерналізм, сервільність, транзит верховної влади, політичні партії, політичні технології, політична стагнація

Zhangozha R. Power Transitin Kazakhstan: Alternatives without Alternative
The article analyzes the situation with the transition of power in the newly formed independent states of the Central-Asian region. The use of political technologies to preserve authoritarian power is a priority. If we consider the process situationally, then they guarantee social peace and stability. However, in the long run, these technologies lead to stagnation and are a hindrance to the entire multilevel system of political and socio-economic development of local communities.

Keywords: socio-political situation, paternalism, servility, transit of the supreme power, political parties, political technology, paternalism, political stagnation.

В последние годы многие политические эксперты пытают понять формулу транзита верховной власти Казахстана с учетом физического возраста действующего президента Н.Назарбаева (78 лет, 1940 г.р.) и фактически патернистской модели государственного устройства страны. По этой причине всякое изменение в структуре политических институтов воспринимается политологическим сообществом Украины как латентный технологический сегмент начавшегося транзита, что дает им повод для

прогнозных оценок, зачастую, имеющих весьма отдаленное отношение к реальной ситуации [1].

Модели государственного устройства новых независимых государств Центральной Азии, исключая Кыргызстан, строились в формате жесткого авторитаризма. Именно поэтому проблема транзита власти выступает определяющей темой любого анализа политической ситуации в этом регионе как в современном состоянии, так и в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

То, что подобный подход совершенно оправдан, подтверждается недавними изменениями в политических реалиях Узбекистана, происшедшими в связи с внезапной смертью бессменного узбекского президента И.Каримова в 2016 г. и, связанной с этим масштабной кадровой ротацией в исполнительных структурах страны.

Аналогичное масштабное кадровое переформатирование политической системы ожидает и Казахстан, поскольку действующий президент Н.Назарбаев уже давно перешагнул рубеж жизни пророка Мухаммеда.

Многочисленные сценарии транзита власти, предлагаемые как отечественными, так и иностранными политическими экспертами, создают определенное напряжение, влияющее на настроение не только граждан страны, но и на потенциальных зарубежных инвесторов, а также на основных акторов geopolитической «шахматной доски» (З.Бжезинский).

Специфика формирования мнения по большинству вопросов, связанных с политическими или экономическими коллизиями, в особенности по транзиту власти, состоит в том, что по сложившейся в Казахстане традиции эти вопросы может предметно комментировать исключительно сам глава государства. Некоторое исключение составляют заявления отдельных представителей из ближайшего окружения первого лица, когда они спешат отказаться от роли потенциальных «преемников», которые им приписывала молва, некоторые недальновидные эксперты и падкие на сенсации mass-media.

Что же касается самого президента Казахстана, то можно отметить, что в последние годы сам он охотно комментирует тему транзита власти в разных форматах и ракурсах, не скрывая при этом удовольствия от того, что своими репликами ставит в тупик самых дотошных толкователей политического закулисья. Так, в ноябре 2015 г., выступая на расширенном

заседании правительства, Н.Назарбаев остановился, в частности, на теме своего возможного преемника, посетовав на то, что он пока не видит достойной фигуры на пост руководителя страны. Что, по его мнению, ставит под сомнение успешность проводимых им реформ и ухудшит политическую, экономическую и социальную ситуацию в Казахстане [2].

Впрочем, рассуждения на тему преемника на пост президента страны продолжают занимать головы политических экспертов и «белых воротничков», что наводит на подозрение о применении властями конспирологических методов выявления возможных конкурентов с последующей зачисткой политического поля страны от тех нежелательных персон, на кого укажет всевластный перст Н.Назарбаева.

Так, 21 июня 2018 г., Председатель сената, сверх осторожный К.Ж.Токаев, в интервью обозревателю «Би-би-си», высказал мнение, что участие действующего президента в очередных президентских выборах (2020) представляется ему маловероятным. Правда, спустя сутки, Токаев денонсировал свое высказывание, пояснив, что это было всего лишь допущение, и что утвердительную точку зрения редакция «Би-би-си» просто вырезала. Тем не менее, это высказывание спровоцировало в среде казахстанского политического истеблишмента резонансный скандал, последствия которого могут сыграть весьма существенную роль в межэлитной борьбе [3].

Не менее резонансной информацией стало заявление самого президента о том, что он не намерен передавать власть по наследству своим детям и близким родственникам. А в марте 2017 г. Н.Назарбаев подчеркнул, что срок его президентских полномочий заканчивается в 2020 г. и ещё есть время для размышлений. «Всё будет зависеть от доверия народа – первое. Второе – силы и здоровье человека, который работает... А если твоё состояние не позволяет именно так работать, то здесь нечего делать. Так что все зависит от времени», – отметил Назарбаев.

Совершенно очевидно, что в аппарате президента будут бдительно наблюдать за реакцией внутри элит. Своеобразный метод «тестирования на верность» суверену, состоящий во вбросе слухов и домыслов о скором уходе «первого лица» с целью зондажа мнений: кто и как будет реагировать и кого еще нужно «дочистить». Разные внутриэлитные группы по-разному рассматривают транзит и новые возможности кадровых ротаций. Кого-то устраивает сценарий, когда глава государства остается на

посту до конца жизни. Иные считают, что надо уже сейчас, пока ситуация находится под контролем, запускать механизм кадровой ротации. Хотя до 2020 г. время еще есть, но всё может кардинально измениться в зависимости от внешней конъюнктуры и физического здоровья действующего президента.

31 мая 2018 г. Мажилис Республики Казахстан одобрил законопроект «О Совете Безопасности Республики Казахстан»[4]. После этого в казахстанском и зарубежном политикуме и информационном пространстве утвердился тезис, что этот документ знаменует подготовку к ротации власти, во время которой Совбез будет выполнять функции «коллективного преемника».

Однако некоторые эксперты подвергают сомнению этот сценарий, считая его безупречным только в теории, поскольку особенности казахстанской политической системы, политических традиций и политического менталитета могут в значительной мере деформировать эту идею.

Надо отметить, что слухи о подготовке к транзиту власти отнюдь не беспочвенны, поскольку в законопроекте предусмотрены нормы, действительно позволяющие Совбезу претендовать на полномочия «коллективного преемника» в транзитный период.

С принятием закона, Совбез сменит свой статус консультативно-совещательного органа на конституционный, а первый президент – Лидер нации будет наделен правом пожизненного в нем председательства с полномочиями президента. В свою очередь, действующий президент будет обладать только лишь представительскими полномочиями, уподобившись датской королеве, которая «властвует, но не правит».

Внесенные поправки существенно повысят политический статус Совета Безопасности, наделяя его полномочиями для проведения «единой государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности и обороноспособности Республики Казахстан в целях сохранения внутриполитической стабильности, защиты конституционного строя, государственной независимости, территориальной целостности и национальных интересов Казахстана на международной арене».

В состав Совбеза теперь будет входить все высшее руководство страны, включая президента, премьер-министра, председателей Мажилиса и Сената, руководителя Администрации президента, госсекретаря,

министра иностранных дел, а также все силовики – генеральный прокурор, председатель КНБ, министры обороны и внутренних дел.

Таким образом, в этой политической конфигурации президент становится вторым должностным лицом в стране, подчиняясь председателю Совбеза, который будет наделен полномочиями высшего руководителя страны, координирующего все ветви власти, а также силовые органы.

Казахстанские политические эксперты уже назвали законопроект «настоящей конституционной реформой» – в отличие от предыдущей, которая подразумевала перераспределение полномочий между ветвями власти, но ограничивалась лишь незначительными поправками.

Как прогнозировали многие эксперты, в качестве выхода из затянувшейся неопределенности вокруг процедуры транзита власти был предложен вариант дуальной модели политической власти.

По аналогии с теократическими моделями государственной конфигурации, где фактическая власть – в руках религиозного лидера, а исполнительная светская – в ведении президента, занимающего вторую после Высшего руководителя позицию во властной иерархии. Подобную модель, по аналогии с Ираном, по всей видимости, предлагается создать и в Казахстане. В соответствие с ней второй президент, опираясь на безоговорочный авторитет Н.Назарбаева, исполнял бы оперативные, организационно-распорядительные функции, в то время как стратегические вопросы развития страны остаются в ведении первого президента – председателя Совбеза.

Однако политические эксперты отмечают проблемные точки принимаемой Казахстаном модели государственного управления. Один из контрагументов состоит в том, что в традиционную политическую культуру Центральной Азии, в особенности Казахстана, категорически не вписывается система с двумя центрами силы и принятия решений. Сбой подобной властной конфигурации проявился в соседнем Кыргызстане, где экс-президент А.Атамбаев попытался сохранить влияние в политике после своего ухода с поста руководителя страны, закрепив за собой позицию сильного партийного руководителя при сильном парламенте, лояльном премьер-министре и «ручном» президенте.

Но новоизбранный в 2017 г. президент Киргизстана С.Жээнбеков, считавшийся ставленником Атамбаева, решительно отверг модель

двоевластия, оперативно удалив с ключевых должностей атамбаевские креатуры – руководителя президентской администрации, премьер-министра и других влиятельных фигур. Следующим шагом «разоружения» А.Атамбаева стала отмена парламентом неприкосновенности и криминальной непогрешимости экс-президентов.

В Туркменистане К.Бердымухamedов, пришедший после безвременной кончины «абсолютного лидера нации» Туркменбashi С.Ниязова, также деклассировал все ближайшее окружение своего предшественника, демонтировал его прижизненный памятник и изъял из оборота и негласно запретил двухтомник «Рухнаме» – «авторское» произведение Туркменбashi, выполнявшего в стране функцию, схожую с Кораном или Историей КПСС.

Не столь радикально, но все же, в той же последовательности, начал кадровую реформу и новоизбранный в 2016 г. президент Узбекистана Ш.Мирзиёев, арестовав Гульнару – дочь своего недавнего патрона, всесильного И.Каримова, и обезоружив «бдительное око и уши» – Председателя комитета безопасности Узбекистана Р.Иноярова, отправив его на малопривлекательную хозяйственную должность.

Очевидно, что при сложившейся в Центральной Азии политической культуре, любые попытки прижизненно осуществить «операцию «преемник», важным условием которой является высокая степень доверия и соблюдение элитами «джентельменских соглашений», отнюдь не гарантируют сохранения власти посредством технологических ухищрений.

В Казахстане, где «сильная президентская власть» в условиях все еще достаточно реального традиционного территориально-политического устройства, является несущей конструкцией политической системы и доминирующей политической традицией, ломать традиции многое труднее, нежели в Кыргызстане. Для национального социума и политикума представить ситуацию двоевластия и появления каких-либо альтернативных политических моделей, кроме единовластия, может означать хаос, который следует оперативно упорядочить.

В отличие от теократического государственного устройства, где дуальная политическая система и институт духовного лидера – Высшего руководителя страны – опирается на религиозный авторитет и традицию, в Казахстане нет достаточных оснований для легитимации неких надстроенных координирующих институтов, выполняющих функции

диригента и, одновременно, арбитра ветвей власти. В том числе, президентской. Таким легитимирующим инструментом должен был быть конституционный статус соответствующего закона, который определяет исключительную правоту и легитимность единовластия. Таким образом, учитывая в целом невысокий уровень правовой культуры и сервильность казахстанского правосудия перед политической целесообразностью, инструмент этот не может гарантировать соблюдение обязательств следующим президентом.

Можно отметить, что авторы идеи придать Совету Безопасности Республики Казахстан статус чрезвычайной комиссии с чрезвычайными же полномочиями, опирались на опыт стран, где, в кризисных ситуациях армия и силовики выступали стражами внутриполитической стабильности. Например, в Турции, где такую роль играла армия, или России, где аналогичные функции выполняют спецслужбы.

В Казахстане нет традиций сильной армии и сильных спецслужб, имеющих политический статус и, главное, безусловное доверие у президента. В этой связи можно вспомнить тот факт, что за последние полтора десятилетия были осуждены на длительное тюремное заключение три бывших руководителя органов национальной безопасности (КНБ) – А.Мусаев, Р.Алиев и Н.Дутбаев, а их потенциальные сторонники отправлены в отставки. Следует отметить, что в истории независимого Казахстана спецслужбы почти не выступали в качестве самостоятельных политических акторов. По этой причине положиться на них, как на гаранта исполнения конституционного закона, было бы, опрометчиво.

Таким образом, «специфичность» национальной управленческой и, шире, политической культуры могут сорвать реализацию в Казахстане сценария передачи власти в формате «коллективного преемничества». То есть, Совету Безопасности, каким бы безупречным подобный сценарий неказался в теории.

Очевидно, что казахстанская элита заинтересована в детальной регламентации процедуры транзита власти и, главное, обеспечении механизмов и гарантой сохранения своего статуса, собственности и безопасности. Наихудшим для нее вариантом может стать сценарий, при котором президентом становится персона, проведенная во власть внешними силами (Россия, США, Китай), которая будет лоббировать интересы своих попечителей в режиме внешнего управления.

В иной ситуации, когда преемник получает мандат на занятие вакансии «Первого лица» от местной финансово-промышленной группы, с которой он связывает свою будущую политику, устанавливается традиционная (а значит, легитимная) формула и архитектура государственного устройства. Суть ее была определена английским политикумом более двух столетий тому назад: «друзьям (элите) все, врагам – закон». Первоочередная задача преемника – зачистка политического и финансово-экономического поля от «чужаков» и ее кадровое переформатирование «под себя».

Но, вполне возможно, что законопроект «О Совете безопасности» – это один из черновых вариантов сценария передачи власти, каким был и принятый в 2010 г. закон «О Лидере Нации». Но отнюдь не окончательный. В той же мере, как и появляющиеся время от времени вбросы фейковой информации о начале транзита власти с целью выявления и наказания возможных «перебежчиков» в лагерь потенциальных противников. Тем не менее, хотя и с определенной долей осторожности, можно говорить о том, что завершающаяся фаза по монтажу и выстраиванию концепции и кадровой политики, и политической инфраструктуры, начатая ещё в 2010 г., в Казахстане практически завершена и готова к транзиту.

На сегодняшний день у президента Казахстана уже есть «де-юре» статус «лидера нации», «пожизненного сенатора» и «пожизненного председателя Совета безопасности Республики Казахстан». Внутри элиты, за последние годы, провели мощную зачистку и сделали её ещё более управляемой, нежели раньше, за счёт повышения уровня тревожности на фоне многочисленных и резонансных коррупционных скандалов.

На партийном поле убрали всех потенциальных оппозиционных персон, расчистив место для партийной пропрезидентской «шестёрки» во главе с провластной партией «Нур Отан», от которой может пойти новый кандидат в президенты. Не менее жестко зачистили медийное поле и сферу НПО, где практически не осталось сколько-нибудь значимых оппозиционных структур, подсадив остальных на иглу государственных грантов и государственного заказа. Параллельно создали множество зонтичных структур в политической и экономической областях, каждая из которых контролирует свой сегмент.

В дополнение к перечисленным изменениям, были значительно усилены полномочия силовых структур в сфере антикоррупционной борьбы, которые чаще используется для внутриэлитных разборок, в области противодействия экстремизму и терроризму, а также, в части контроля над социальными сетями, куда, в своем большинстве, ушли протестные настроения казахстанской оппозиции и отдельных «несознательных» граждан.

Также подвергли новой редакции выборную нормативно-законодательную базу, устранив с предвыборной гонки всех уровней любых самовыдвиженцев, снизив, таким образом, порог допустимости для участия в выборах.

Что же касается самих президентских выборов (даже без физического участия действующего президента, но при его неукоснительном контроле), то они будут выполнять функцию легитимизации уже отобранных и одобренных им кандидатур.

Проведенные изменения выборной системы Казахстана в направлении усиленияластной пирамиды выглядят вполне эффективно с тактической точки зрения. Однако, если рассматривать их в долгосрочной перспективе, то следует признать, что они существенно тормозят развитие гражданского общества с его социально-значимыми инициативами и здоровой конкуренцией, гарантировющей оптимальный режим работы «социальных лифтов».

Детально рассматривать социально-политическую конструкцию модели государственного устройства и, в частности, нормативно-правовую базу выборной системы казахстанского государственного устройства, не имеет особого смысла, хотя бы по той причине, что «буква закона» значительно отличается от политической целесообразности, диктуемой интересами власти.

Более продуктивным будет выявить и анализировать лишь те схемы, узловые моменты и механизмы передачи власти, которые могут быть реализованы при действующем президенте. Однако, остается далеким от ответа вопрос: «Как будет работать система без своего создателя, когда он окончательно уйдёт с политического Олимпа. Когда «его продукты» будут предоставлены сами себе и зона конкуренции в борьбе за власть приобретет реальные очертания «боев без правил?».

С известной долей вероятности можно предположить, что в этом случае все отлаженные тактические схемы утратят свою эффективность в качестве долгосрочного режима и в долгосрочной перспективе. Аналогия с ситуацией ухода из власти С.Ниязова, И. Каримова и А.Атанбаева, о которых мы упоминали выше, показывают всю недолговечность и хрупкость жестких авторитарных схем. Их «преемникам» понадобилось минимальное время для того, чтобы переформатировать все прежние внутриэлитные договорённости и правила игры, и начать строить систему по своим лекалам.

По приведенной причине не столь актуальным представляется вопрос о том, как и когда уйдёт глава государства с политической сцены. Для общества представляется гораздо более важным решить вопрос своего социально-политического статуса и перспектив. Без решения этого вопроса общество остается пассивным заложником ситуации, когда ключевые вопросы развития страны будут формироваться и решаться исключительно исходя из интересов групп влияния, их возможностей договориться в условиях отсутствия верховного арбитра. В подобной ситуации именно договороспособность верхов, а также их инстинкт самосохранения, превращаются в доминирующий, хотя и более чем ненадёжный фактор стабильности и гражданского согласия.

Подобное государственное устройство и покорное безмолвие общества по отношению к своему настоящему и будущему соответствует застою, по причине которого Казахстан и его население остаются за порогом исторического времени в его ускоряющемся ритме.

Список использованных источников и литературы:

1. Сапаев Д. В Казахстане уже готова политическая инфраструктура для транзита власти / Д.Сапаев. 22.06.2018. – Режим доступу: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1529669400>
2. Иксанова А. Казахстан только выиграет, если Назарбаев будет участвовать в следующих выборах – Абая / Алия Иксанова. 21.06.2018. – Режим доступу: <https://vlast.kz/novosti/28426-kazahstan-tolko-vyigraet-esli-nazarbaev-budet-ucastvovat-v-sledusih-vyborah-abaev.html>
3. Тогузбаев К. Токаев и другие предполагают, один располагает? / Казис Тогузбаев. 26.06.2018. – Режим доступу: <https://rus.azattyq.org/a/tokayev-bbc-interview-comments/29318030.html>; Клевцова А. Что стоит за «политической бомбой» Токаева? / Анна Клевцова. 23.06.18. – Режим доступу: <https://rus.azattyq.org/a/press-review-tokayev-interview-nazarbayev/29314947.html>

4. Горбунова А. Совбез становится главным конституционным органом Казахстана / Арина Горбунова. – Режим доступа: https://forbes.kz/process/sovbez_kazahstana_stanovitsya_glavnym_konstitutsionnym_organom/; Конституционный суд разрешил Назарбаеву пожизненно возглавлять совбез. – Режим доступа: http://social.iz.ru/blog/43552293979/Konstitutsionnyiy-sud-razreshil-Nazarbayevu-pozhiznenno-vozglavl?utm_campaign=partner&utm_source=mirtesen&utm_medium